

УДК 130.2

Ментальные основания культурной специфики восточно-христианской цивилизации

В. Н. Даренская

Даренская Вера Николаевна, кандидат философских наук, доцент Луганского национального университета имени Т. Шевченко, vera_darenskaya@mail.ru

В статье рассмотрены ментальные основания культурной специфики восточно-христианской цивилизации на основе культурно-исторического метода. Цель статьи состоит в уточнении исторической модели, которая сформировала ментальные отличия западноевропейской и русской культур. Показано, что корни цивилизационного раздела Европы на Западную и Восточную во многом определяются тем особым способом, которым «варварские» этносы приобщались к христианской и античной традициям. Поэтому в Западной Европе культурный стереотип активно-завоевательного отношения к миру привел к формированию антитрадиционалистических, инновационных тенденций развития, антропоцентризму и индивидуализму. У восточноевропейцев, которые подвергались принудительной вестернизации, формировался комплекс неполноценности и презрения к родной культурной среде – то деструктивное явление, которое широко распространено в наше время и служит мощным тормозом собственного оригинального культурного развития. Однако принцип индивидуализма в конечном счете обернулся дегуманизацией всех сфер жизни. Без преодоления деструктивной культурной «самоколонизации» самостоятельное развитие восточно-христианской цивилизации невозможно. Концептуальная новизна статьи состоит в формулировке принципа «культурной Родины», а также в уточнении исторического истока ментальных отличий.

Ключевые слова: ментальность, восточно-христианская цивилизация, традиция, самоколонизация, Родина, традиционализм.

Поступила в редакцию: 07.04.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-247-252>

Отличия восточно-христианской цивилизации (в первую очередь от русской как ее наиболее характерного выразителя) от западной давно стали предметом историософских исследований, начиная с наследия П. Я. Чаадаева, славянофилов, Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева. В наше время русская цивилизация является предметом многочисленных культурологических и историософских исследований. Однако при всем разнообразии концепций и подходов, сформировавшихся в последнее время, остается не вполне проясненной исходная модель культу-

ротворчества восточно-христианской цивилизации, которая остается инвариантной, но может приобретать самые разнообразные внешние формы в разные исторические периоды. Кроме того, недостаточно внимания уделяется феномену культурной «самоколонизации», которая в Новое время стала характерной для этого цивилизационного пространства. Цель данной статьи – анализ аспектов данной проблемы, которым ранее не уделялось должного внимания. Речь идет об исторических предпосылках – в первую очередь модели восприятия культурного наследия, которая отличает восточно-христианскую цивилизацию. Актуальность анализа этих предпосылок определяется необходимостью формирования и защиты цивилизационного суверенитета России в современном мире как основы развития народа и государства в условиях глобальной конкуренции.

Расхождение цивилизационных моделей западно-христианской и восточно-христианской частей Европы было заложено уже в различии способов рецепции ими античной культурной традиции. Новые варварские этносы на западе Европы завоевывали территорию бывшей Римской империи силой – и этот стереотип завоевательного отношения к культурной традиции затем закрепился в их типе культуры. На востоке Римская империя продолжала существовать еще тысячу лет со столицей в Новом Риме – Константинополе и славянские народы приобщались к ее культурной традиции не как завоеватели, а как ученики. Это ученический тип восприятия культурной традиции затем стал моделью их культуры и культурной ментальности. После исчезновения Империи и здесь (термин «Византия» введен в оборот уже в Новое время и является искусственным) такое же ученическое отношение, ставшее стереотипом, было перенесено народами Восточной Европы теперь уже на их отношения с Западной Европой. Это и породило комплекс «самоколонизации». Уникальность же Московской Руси состояла в том, что в допетровскую эпоху культурные заимствования с Запада были чисто техническими (например, западными мастерами построен Московский Кремль и почти все храмы в нем) и не приводили к комплексу неполноценности. Это объяснялось мессианским сознанием русских людей, которые осознавали

себя носителями истинной веры в отличие от «бурсманской» Европы и ценили это превыше всего.

Историк древнерусской философии В. С. Горский сформулировал главное отличие восточно-христианского мироощущения, которое и определило пути нашей культуры, на примере различия архитектурных стилей следующим образом: «Если готические соборы, своими стрельчатыми башнями невероятно высоко вздымаясь, порывались проткнуть небо, словно желали достигнуть “горнего мира”, то православные церкви своей архитектурой, местом своего расположения не столько стремились подняться как можно выше, сколько подчеркивали бесконечность небесного свода над головой... Если западноевропейской культуре присуще ярко выраженное пространственное влечение к Абсолюту, “возвышение до...”, то древнерусская традиция основывалась на другой прочной мифологеме – “возвращения внутрь”, “восхождение в...”» [1, с. 11]. Позже это отличие в базовом мироощущении привело к развитию впоследствии различных типов цивилизации в западной Европе и в России и многовековой конкуренции между ними.

В Западной Европе культурный стереотип активно-завоевательного отношения к миру привел к формированию антитрадиционалистических, инновационных тенденций развития на основе антропоцентризма и индивидуализма. Все три названных проявления этого стереотипа логически связаны между собой: инновационный тип культуротворчества смещает мировоззренческую доминанту на земную жизнь человека как самоценность (даже при сохранении религиозности), т. е. формирует антропоцентрический тип мировосприятия. Это, в свою очередь, вступая во взаимодействие с христианским пониманием человека как образа Божьего, который имеет абсолютную ценность (т. е. не сводится лишь к части родового или даже космического целого), приводит к индивидуализму как специфическому типу самоощущения. Последний сразу же вступает в конфликт со своими христианскими корнями и затем становится главной предпосылкой секуляризации. Впрочем, речь идет не столько о ценности личности как духовного феномена («образа и подобия Божия» согласно библейскому Откровению), сколько о ценности земной индивидуальности каждого человека. Этот признак и является главным критерием, отличающим западноевропейскую цивилизацию от всех остальных, которые принято называть «традиционными» и в которых понятие личности иное, основанное на религиозном восприятии человека. Как писал известный исследователь

культуры эпохи Возрождения Л. М. Баткин, «на переломе к Новому времени... когда, собственно, впервые возникли “Запад” и “Восток” – до тех пор отдельность Я или оценивалась отрицательно, или, по крайней мере, Я никак не воспринималось само по себе, но лишь в контексте некой причастности. Альфой любого индивида и его омегой была социальная и метафизическая общность... Всемирно-историческая переориентация, которая может быть сопоставлена по значимости лишь с “осевым временем” возникновения древних цивилизаций, охватила Западную Европу XV–XVIII ст. и требовала всех творческих сил и метаморфоз Возрождения, Барокко, Просвещения» [2, с. 5; 11]. Впоследствии такое секулярное понимание человека и личности стало распространяться в форме культурной колонизации и на восточную Европу, затем в Россию и по всему миру. Однако в исходной культурной модели восточно-христианской цивилизации, в том числе и в русской культуре, остается традиционное понимание личности как бессмертной души, а не как земной и смертной «индивидуальности». И даже в формах секулярной культуры – например советской – оно тоже сохранялось, хотя и в превращенной форме принципов «коллективизма» и «гармонической личности», которые служили главным отличием от «западного человека».

В то же время Восточная Европа, особенно ее православный ареал, к которому принадлежала и Россия, оставалась в рамках традиционализма, который играл роль мощного фактора исторического выживания в борьбе против внешних врагов как с Востока, так и с европейского Запада. Последний обычно воспринимал Восточную, православную Европу исключительно как «варварскую», которую надо лишь подчинить и «цивилизовать». Лишь в эпоху Просвещения, как отмечают исследователи, появляются первые попытки более объективного восприятия Восточной Европы [3]. Примером последнего может служить известное высказывание И. Г. Гердера об Украине XVIII в., которую он видел собственными глазами, как о «будущей Элладе». Высокомерие западных европейцев, позволявшее им считать восточных европейцев «варварами», основывалось лишь на «активно-завоевательном» отношении к окружающему миру и на том агрессивном-индивидуалистическом мироощущении и поведении, которые из него непосредственно вытекают. Директивная вестернизация народов Восточной Европы привела к формированию негативного отношения к собственной культуре. Это препятствует самобытному культурному развитию и в настоящее время.

Это направление цивилизационных трансформаций, заданное доминантой индивидуализма, оказалось кризисным и глубоко противоречивым по своей сути. Однако принцип индивидуализма в конечном счете обернулся дегуманизацией всех сфер жизни. Этот парадокс обусловлен той сущностной диалектикой развития культуры в Новое время, о которой писал Р. Гвардини: «Человек получает простор для движения, но становится бездомным... В эту эпоху человек не ходит больше под взглядом Бога... С неведомой силой просыпаются первобытные аффекты: страх, насилие, восстание против порядка» [4, с. 539, 547–548]. Крайне деструктивные формы кризис европейского индивидуализма приобретает при его интервенции в традиционалистскую Восточную Европу, поскольку здесь отсутствуют «компенсаторные механизмы» культуры, которые успели сформироваться в Западной Европе, где новая цивилизация возникала постепенно, а не путем насильственного вторжения в традиционный уклад жизни. Поэтому, как это ни парадоксально, именно здесь индивидуалистическая парадигма гораздо в большей степени, чем на Западе, оборачивается своими негативными последствиями – разрушением морали, семьи, религии, правосознания и культурной традиции как таковой. В связи с этим попытки простого подражания западным традициям и институтам также не срабатывают. Это означает, что восточноевропейская (в том числе и российская) культурная парадигма должна исходить именно из этого реального деструктивного опыта и создавать способы его преодоления. В первую очередь Россия и все православные страны, в ходе глобализации «вытолкнутые» в число стран «третьего мира», по объективным условиям самой жизни вынуждены ориентироваться не на модель западного «потребительского общества», реализация которой за пределами стран так называемого «золотого миллиарда» является принципиально невозможной.

Однако невысокий уровень материального потребления, с культурной точки зрения, является не недостатком, а, наоборот, преимуществом, поскольку акцентирует духовно-ценностные измерения жизни, смещает центр интересов человека с гедонистических стремлений на интерес к самовоспитанию и воспитанию детей, к межличностному общению и религиозной жизни. Это, безусловно, более содержательный тип жизни, чем тот, который навязывает всем западное «потребительское общество». Понятно, что и в других странах определенная категория людей может достигать высокого уровня материального потребления и делать это основной целью своей

жизни, но важно, чтобы этот «идеал» искусственно и утопично не навязывался всему обществу как якобы единственно возможный и достойный. А это, в свою очередь, означает преодоление монологизма вестернизации, воссоздание подлинной европейской культурной традиции, включающей в себя непрагматические смыслы и измерения жизни, обусловленные христианскими устоями этой традиции. Новейшим вариантом внутреннего диалогизма культурной общности является диалог современного индивидуализма и «потребительского общества» как его цивилизационной формы с христианской традицией как главный путь преодоления смысложизненного и культурного кризиса современной цивилизации. Поскольку в России развитие «потребительского общества» является принципиально ограниченным, то именно она уже начала олицетворять цивилизационную альтернативу этим деструктивным тенденциям.

В этом контексте обнаруживает свою большую прогностическую ценность и эвристичность концепция В. Шубарта о новом «иоанновском» типе человека, возникающем в русском культурном пространстве, приходящем на смену западному «прометеевскому» типу, уже более ста лет находящемуся в состоянии саморазрушения. Как пишет этот немецкий автор, «в России зарождается новый человеческий тип, который будет... новым человеком с восточной душой, но с такой, которая была пропущена через горнило западной культуры» [5, с. 304]. «Иоанновский» тип (названный В. Шубартом по ассоциации с апостолом Иоанном) не является просто «восточной» или же «русской» реакцией на вестернизацию, но становится законным наследником европейской культурной традиции после того, как она приходит к кризису в самой Европе. «Диагноз» этого кризиса удачно сформулирован Г. Померанцем: «Чем больше разрастается вещественная реальность... тем больше твердых и ясных инструкций и тем теснее для духа» [6, с. 153]. Поэтому, по мнению данного автора, «в техногенной реальности нет места для Бога и для человека, созданного по Его образу и подобию» [6, с. 155]. Такова общая тенденция секулярной цивилизации, однако принципиальное значение имеет место, где происходит это. Если для Запада тенденция секуляризации необратима, поскольку является внутренним порождением его культуры, то в другие культуры процесс секуляризации, «обезбоживания» приходит извне как чужеродный элемент. В результате представитель незападной культуры, в том числе и русской, всегда может четко отделить деструктивный процесс как «чужой» от традиции сохранения сакрального

«ядра» культуры как своей и «родной». Поэтому в рамках такого разделения можно воспринимать технологический прогресс извне, но при этом сохранять смысловые основания собственной культуры. Именно такой путь является оптимальным, и в настоящее время в России он стихийно формируется как основная тенденция развития. Параллельно с нею имеет место и чистая «самоколонизация» (вестернизация), а также сохранение элементов специфически советской культуры. Тем самым в данный момент в России конкурируют три культурные модели – радикальная вестернизация, традиционализм (с ориентацией на классику XIX в. и Православие) и советская традиция, еще сохраняющая своих живых носителей. Последняя в свое время представляла собой синтез вестернизации (секулярность и прогрессизм) и традиционализма (непрагматический стиль жизни и коллективизм). Естественный уход представителей советской модели сопровождается новым синтезом русской культурной традиции как ответа на вызовы западного Постмодерна как «пост-культуры».

К XX в. разрушение основ христианской цивилизации стало уже необратимым и в ней стали господствовать антихристианские устремления. Как афористически выразился Ж. Эллюль в 1960-е, «Запада (L'Occident) больше не существует. Победила логика структур, игра механических сил, диктат систем» [7, р. 95]. В результате этого, как писал В. Краус, «разочарование и горькая неприязнь к истории, к прошлым иллюзиям и современной реальности, которые обещают не больше, чем на самом деле могут дать, становится причиной того нигилизма, который овладевает нами все больше. Нигилизм – это обратная сторона надежд на земной рай, и этой обратной стороны мы уже достигли. Стремление человека сравнивать себя с Богом разрушает в ней ощущение возможного» [8, с. 108]. Именно этот дух вседозволенности правит и в современной культуре, и в политике. Например, Г. Киссинджер однажды откровенно признался: «То, что обычно называют глобализацией, на самом деле просто другое название господствующей роли Соединенных Штатов» [цит. по: 9, с. 80]. Таким образом, современная глобальная диктатура США является самым открытым выражением западного нигилизма, не признающего никаких иных субъектов истории, кроме самого себя.

В свою очередь, стратегия «самоколонизации», т.е. ориентации на Запад, делает культуру всех других стран вторичной и обреченной на зависимость. Деструктивный феномен культурной «самоколонизации» характерен не только для России, он является общемировым. Так, например, современный польский философ и поэт Стефан

Крул афористически писал: «Cudze chwalimy. / Swego nie znamy. / Nie szanujemy. / Sami nie wiemy, / Co posiadamy. / Wszystko co obce, / To maľrujemy» («Чужое хвалим, своего не знаем, не уважаем; сами не знаем, что имеем, а всё чужое перенимаем (обезьянничаем)») [10, р. 359]. Феномен культурной «самоколонизации» возникает не только и даже не столько как «капитуляция» перед иностранным, а в первую очередь как отказ от самостоятельного усилия культуротворчества. В качестве «противовеса» этой разрушительной установке сознания действует императив: диалог должен «рассматриваться не только как форма толерантности, но и как форма столкновения индивидуальностей, в которой и происходит реальная встреча двух культурных традиций, которые определяют пределы своей индивидуальности» [11, с. 185]. В противном случае создается своеобразный парадокс «нетерпимой гипертолерантности», при которой под предлогом необходимости «уважения к другим» подавляются всякие попытки отстоять свою культурную самобытность. Тем самым толерантность автоматически превращается в свою противоположность – в подавление всего того, что не является общим для всех. Такая «гипертолерантность» оказывается разрушительной вследствие важной закономерности, о которой писал академик В. С. Стёпин: «Попытка отделить общее от особенного в культуре наталкивается на сопротивление, поскольку люди идентифицируют себя... именно в связи с особенностями, отличающими их от людей другой культурной традиции» [12, с. 26]. Эта закономерность обычно эмпирически очевидна как некая изначальная данность, которую невозможно просто отбросить призывом к диалогу культур. Люди и общности вступают в культурный диалог только тогда, когда испытывают в этом внутреннюю потребность, ощущая ограниченность своей родной локальной традиции. В тех же случаях, когда их принуждают к диалогу, в котором они не испытывают внутренней потребности, это дает как раз обратный эффект – приводит к конфликту культур. Таким образом, необходимо сохранять определенную степень замкнутости, герметичности «культурных миров» и традиций – они стремятся к диалогу, только ощущая себя защищенными от внешнего разрушения. Категория «локальный» прежде всего означает «экзистенциально-особый» феномен для каждого носителя культурной традиции. Так, например, любая мировая религия, будучи универсальной, вместе с тем всегда приобретает для определенного жизненного мира экзистенциальный смысл сохранения «своей родной веры», что часто порождает долговременные конфликты, в том числе и вооруженные.

Для предотвращения таких конфликтов защита самобытности «культурных миров» должна стать частью глобальной политики.

Эти определения чрезвычайно важны для понимания *специфической категории культурной Родины как воплощения культурных смыслов*. Действительно, защита Родины, в том числе и культурной Родины как средоточия жизненных смыслов, это защита самого смысла жизни от его возможного уничтожения как того «жизненного мира», в котором этот смысл воплощен для человека. И для России такую смертельную опасность представляет бездумная вестернизация как «самоколонизация». Для эффективного противостояния этой опасности гибели родного «жизненного мира» нужно глубоко понимать его главные специфические особенности и его ценность, сформировавшуюся на протяжении тысячи лет борьбы с внешней агрессией и внутренними изменами. В свою очередь требует специальной теоретической разработки понятие «культурная Родина» как основа создания суверенного жизненного мира личности. «Культурная Родина» носит характер «стереоскопии», т. е. способность воплощать и вмещать в себе универсалии общечеловеческой культуры в их конкретном национальном выражении и уникальной форме. В настоящее время Россия находится в особенной ситуации: она может стать главным носителем классических традиций христианской культуры, которые целенаправленно разрушаются в условиях «постмодерна». Об этой будущей роли России в европейской культуре говорил П. Я. Чаадаев. Похоже, его пророчество начинает сбываться в наше время.

Список литературы

1. Горський В. С. Святі Київської Русі. Київ : Абрис, 1994. 173 с.
2. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М. : Наука, 1989. 236 с.
3. Wolff L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization in the Mind of the Enlightenment. Stanford, Stanford Univ. Press, 1994. 512 p.
4. Гвардини Р. Конец Нового времени // Культурология : учеб. пособие. Ростов н/Д : Феникс, 1998. С. 537–551.
5. Шубарт В. Европа и душа Востока. М. : Русская идея, 2000. 446 с.
6. Померанц Г. Диалог пророческих монологов // Дружба народов. 1997. № 3. С. 151–157.
7. Ellul J. Trahision de L'Occident. P. : Plon, 1965. 199 p.
8. Краус В. Нігілізм сьогодні, або Терплячість світової історії. Київ : Основи, 1994. 122 с.
9. Макбрайд У. Глобализация и межкультурный диалог // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 79–88.
10. Król St. Slovo w obronie kultury słowiańskiej // ΣΟΦΙΑ. Журнал філософів слов'янських країн. Rzeszów: Univ. Rzeszowski, 2006. № 6. P. 357–361.
11. Морозов С. Б. Диалогическое основание культуры // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия : материалы Третьего Российского философского конгресса : в 3 т. Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. Т. 1. С. 184–185.
12. Стёпин В. С. Современные цивилизационные изменения и диалог культур // Наследие Л. Н. Гумилева и судьбы народов Евразии : история, современность, перспективы : сб. ст. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. С. 13–27.

Образец для цитирования:

Даренская В. Н. Ментальные основания культурной специфики восточно-христианской цивилизации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 247–252. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-247-252>

Mental Foundations of the Cultural Specificity of Eastern Christian Civilization

V. N. Darenskaya

Vera N. Darenskaya, <https://orcid.org/0000-0003-4839-4734>, Lugansk National University named after T. Shevchenko, 2 Oboron-naya St., Lugansk 910011, vera_darenskaya@mail.ru

The article considers the mental foundations of the cultural specificity of the Eastern Christian civilization based on the cultural-historical method. The purpose of the article is to clarify the historical model which formed the mental differences between Western European and Russian cultures. It is shown that the roots of the civilizational division of Europe into Western and Eastern ones are largely determined by the special way in which “barbarian” ethnic groups were attached to the Christian and ancient traditions. Therefore, in Western Europe, the cultural stereotype of an active and aggressive attitude to the world then led to the formation of

anti-traditionalist, innovative development trends, anthropocentrism and individualism. Those Eastern Europeans who were subjected to coercive Westernization then got an inferiority complex and the contempt for their native cultural environment – a destructive phenomenon which is widespread in our time, and is a powerful brake on their own original cultural development. However, the principle of individualism eventually turned into a dehumanization of all spheres of life. Without overcoming the destructive cultural “self-colonization”, the independent development of Eastern Christian civilization is impossible. The conceptual novelty of the article consists in the formulation of the principle of “cultural homeland”, as well as in clarifying the historical source of mental differences. **Keywords:** mentality, Eastern Christian civilization, tradition, self-colonization, homeland, traditionalism.

Received: 07.04.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Gorsky V. S. *Svyati Kiïvs'koï Rusi* [The Saints of Kievan Rus]. Kiev, Abris Publ., 1994. 173 p. (in Ukrainian).
2. Batkin L. M. *Italyanskoe Vozrozhdenie v poiskah individualnosti* [Italian Renaissance in search of identity]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 236 p. (in Russian).
3. Wolff L. *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization in the Mind of the Enlightenment*. Stanford, Stanford University Press, 1994. 512 p.
4. Guardini R. The end of the New time. In: *Kul'turologiya: uchebnoe posobie* [Cultural Studies: Textbook], Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1998, pp. 537–551 (in Russian).
5. Shubart V. *Evropa i dusha Vostoka* [Europe and the soul of the East]. Moscow, Russian idea Publ., 2000. 446 p. (in Russian).
6. Pomerants G. Dialog of prophetic monologues. *Druzhiba Narodov* [Friendship between the Peoples], 1997, no. 3, pp. 151–157 (in Russian).
7. Ellul J. *Trahision de L'Occident*. Paris, Plon, 1965. 199 p.
8. Kraus V. *Nigilizm s'ogodni, abo Terpljachist' svitovoi istorii* [Nihilism today, or Tolerance of the world history]. Kiev, Osnovi, 1994. 122 p. (in Ukrainian).
9. McBride W. Globalization and intercultural dialogue. *Voprosy Filosofii*, 2003, no. 1, pp. 79–88 (in Russian).
10. Król St. *Slovo w obronie kultury slowiańskiej* [A word in defense of Slavic culture]. *Sofiya. Zhurnal filosofov slavyanskikh stran. Zheshuvskiy universtitet* [ΣΟΦΙΑ. Journal of philosophers of Slavic countries]. Rzeszow, Rzeszow University, 2006, no. 6, pp. 357–361.
11. Morozov S. B. Dialogicheskoe osnovanie kul'tury [Dialogic basis of culture]. *Ratsionalizm i kul'tura na poroge tret'ego tysyacheletiya: Materialy Tret'ego Rossiyskogo filosofskogo kongressa: v 3 t.* [Rationalism and culture on the threshold of the third Millennium: Materials of the Third Russian philosophical Congress: in 3 vols.]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNTs VSh, 2002, vol. I, pp. 184–185 (in Russian).
12. Stepin V. S. Sovremennye civilizatsionnye izmeneniya i dialog kul'tur [Modern civilizational changes and the dialogue of cultures]. In: *Nasledie L. N. Gumileva i sud'by narodov Evrazii: istoriya, sovremennost', perspektivy: sbornik statey* [Heritage of L. N. Gumilev and the fate of the peoples of Eurasia: history, modernity, prospects. Collection of articles]. St. Petersburg, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 2012, pp. 13–27 (in Russian).

Cite this article as:

Darenskaya V. N. Mental Foundations of the Cultural Specificity of Eastern Christian Civilization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 247–252 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-247-252>
